



Предисловие

Для того чтобы узнать, каким же был в детстве Спаситель мира Иисус Христос, нужно прежде всего внимательно прочитать Евангелие. О рождении Иисуса Христа упоминается во второй главе Евангелия от Матфея. Волхвы узнали о рождении Иисуса по явлению чудесной звезды. Евангелист Лука указывал, что рождение Иисуса произошло во время переписи населения, объявленной императором Августом. О месте рождения — городе Вифлееме — говорят оба евангелиста: Лука и Матфей. В Евангелиях рассказано и о том, что после рождения Иосиф и Мария принесли Сына в храм. Следующее упоминание — о двенадцатилетнем Иисусе: во время празднования пасхи родители взяли Его с собой в Иерусалим. Святой Лука описывает эпизод из детства Иисуса Христа, связанный с посещением Иерусалимского храма. *Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем* (Лк. 2, 40). *Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков* (Лк. 2, 52). А человек, имеющий на себе благодать Божию, отличается



кротостью и добротой, любовью к ближним и скромностью. Согласно достоверному источнику, Святому тексту Евангелия, детство Иисуса Христа было обычным, как и у большинства детей. Иисус Христос был близок к людям, которых Он пришёл просветить и спасти.

Наш сборник назван в честь одного из рассказов — «Чудесная нива», в котором, в частности, говорится о Пресвятой Богородице, Матери Иисуса Христа, засевающей поле — ниву, чтобы поле скрыло Святое Семейство и защитило от погони. Богородицу в народе называли не только Заступницей Усердной за весь род человеческий, но и Благодатной Нивой. Именно в Её недрах возник Благословенный Плод — Богочеловек Иисус Христос, Агнец Божий, взявший на себя грехи всего мира.

Есть в этом сборнике и произведения народного творчества — предания, где быть обычно переплетается с вымыслом.

В одном из народных преданий говорится о том, как Богоматерь засеивает все нивы земные с небесной высоты. Гавриил Архангел водит, по словам этого предания, соху с запряжённым в неё белым конём, а Пресвятая Богородица разбрасывает из золотой кошницы зёрна добрые пригоршнями, а в то же самое время «устами безмолвными, сердцем глаголящим» молит Господа Сил о ниспослании благословения на будущий урожай.

Мы надеемся, что произведения, помещённые в сборнике, заинтересуют читателей и помогут им в понимании библейских текстов.

От издателей



Николай Несков

ХРИСТОС В ГОСТЯХ
У МУЖИКА

Рождественский рассказ



Посвящается христианским детям

Настоящий рассказ о том, как Сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, — я слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и передам его же словами.

* * *

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в нашу сторону прибыл за крепостное время и России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим



простую, русскую. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было.

Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда восемнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непостыдного. За что он прибыл по суду на поселение — об этом по нашему положению, щадя человека, не расспрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекун был в его сиротство да и растратил, или взял, почти всё его наследство. А Тимофей Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию Создателя, грех сего безумия не до конца совершился — Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большего наказания ему не было, как из первогильдейных купцов сослан он к нам на поселение.

Именьё Тимошино хотя на девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью ещё жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела,

и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он всё книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришлись мы друг другу по сердцу.

* * *

Родители мои попервоначально не очень меня к нему пускали. Он им мудрён казался. Говорили: «Неизвестно, какой он такой и зачем ото всех прячется. Как бы чему худому не научил». Но я, быв родительской воле покорен, правду им говорил, отцу и матери, что ничего худого от Тимофея не слышу, а занимаемся тем, что вместе книжки читаем и о вере говорим, как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ Создателя в себе не уронить и не обесславить. Меня стали пускать к Тимофею сидеть сколько угодно, и отец мой сам к нему сходил, а потом и Тимофей Осипов к нам пришёл. Увидали мои старики, что он человек хороший, и полюбили его, и очень стали жалеть, что он часто сумрачный. Вспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, — весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда и читать не хочет, да и в глазах вместо всегдашней ласки — гнев горит. Честности





он был примерной и умница, а к делам за тоскою своею не брался. Но скуке его Господь скоро помог: пришла к нему по сердцу моя сестра, он на ней женился и перестал скучать, а начал жить да поживать и добра наживать, и в десять лет стал у всех в виду как самый капитальный человек. Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые. Чего ещё надо? Кажется, всё прошлое горе позабыть можно, но он, однако, всё-таки помнил свою обиду, и один раз, когда мы с ним вдвоём в тележке ехали и говорили во всяком благодушии, я его спросил:

— Как, брат Тимоша, всем ли ты теперь доволен?

— В каком, — спрашивает, — это смысле?

— Имеешь ли всё то, чего в своём месте лишился?

А он сейчас весь побледнел и ни слова не ответил, только молча лошадью правил. Тогда я извинился.

— Ты, — говорю, — брат, меня прости, что я так спросил... Я думал, что лихое давно... минуло и позабылось.

— Нужды нет, — отвечает, — что оно давно... минуло — оно минуло, да всё-таки помнится...

Мне его жаль стало, только не с той стороны, что он когда-нибудь больше имел, а что он

в таком омрачении: Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит. Значит, его святое слово не пользует. Я и задумался, так как во всём его умнее себя почитал и от него думал добрым рассуждением пользоваться, а он зло помнит...

Он это заметил и говорит:

- Что ты теперь думаешь?
- А так, — говорю, — думаю что попало.
- Нет: ты это обо мне думаешь.
- И о тебе думаю.
- Что же ты обо мне, как понимаешь?
- Ты, мол, не сердись, я вот что про тебя подумал. Писание ты знаешь, а сердце твоё гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?

Тимофей не осерчал, но только грустно омрачился в лице и отвечает:

- Ты святое слово проводить не сведущ.
- Это, — говорю, — твоя правда, я не сведущ.
- Не сведущ, — говорит, — ты и в том, какие на свете обиды есть.

Я и в этом на его сдание⁴ согласился, а он стал говорить, что есть таковые оскорбления, коих стерпеть нельзя, — и рассказал мне, что он не за деньги на дядю своего столь гневен, а за другое, чего забыть нельзя.





— Век бы про это молчать хотел, но ныне тебе, — говорит, — как другу моему откроюсь.

Я говорю:

— Если это тебе может стать на пользу — откройся.

И он открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свёл горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил одних людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять предполагал.

— Разве, — говорит, — всё это можно простить? Я его в жизнь не прощу.

— Ну да, — отвечаю, — обида твоя велика, это правда, а что Святое Писание тебя не пользует, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили⁵ и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мной оправдать.

А я по простоте своей ответил ему просто.

— Тимоша, — говорю, — ты умник, ты начитан и всё знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не всё разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом

Завете всё ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом — яснее стоит. Там надо всем блистает. «Возлюби да прости»⁶, и это всего дороже, как злат ключ, который всякий замок открывает. А в чём же прощать, неужели в некоей малой провинности, а не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме: «Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего?» И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

— Последуй, — говорю, — лучше сему, а не отомстительному обычаю.

А он пошёл приводить большие толкования, как кто писал, что иное простить яко бы всё равно, что зло приумножить.

Я это опровергнуть не мог, сказал только:

— Я-то опасаясь, что «многие книги безумным тя творят»⁷. Ты, — говорю, — ополчись на себя. Пока ты зло помнишь — зло живо, а пусть оно умрёт, тогда и душа твоя в покое жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

— Не могу, оставь — мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а время шло, и убыло ещё шесть лет, и во всё это время я за ним наблюдал и видел, что всё он





страдает и что если пустить его на всю свободу да если он достигнет где-нибудь своего дядю, — забудет он всё Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своём я был покоен, потому что виделся мне тут перст Божий. Стал уже он помалу показываться, ну так, верно, и всю руку увидим. Спасёт Господь моего друга от греха гнева. Но произошло это весьма удивительно.

* * *

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шестнадцатый год, и прошло уже пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трёх детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы розы и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Всё место перед домом было розанами покрыто, и через их запах был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что, как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам охорашивал свои розы и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут часто молился.

Таким точно порядком пришёл он раз сюда и взял с собою Евангелие. Пооглядел розы, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришёл в гости к фарисею и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги.

И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошёлся со святым гостем. Вот тут в эту самую минуту и случилось чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил:

— Гляжу, — говорит, — вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой ценности и унижении... И наполнились все глаза мои слезами и никак их сморгнуть не могу; и всё вокруг меня стало розовое, даже самые мои слёзы. Так, вроде забытья или обморока, и воскликнул я: «Господи! Если б Ты ко мне пришёл — я бы Тебе и себя самого отдал».

А ему вдруг в ответ откуда-то, как в ветерке в розовом,дохнуло:

— Приду!

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает:

— Как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

— Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом, можно ли что усмотреть в Писании?

А Тимофей говорит:

— В Писании есть: «Всё тот же Христос ныне и вовеки»⁹, — я не смею не верить.

— Что же, — говорю, — и верь.



— Я велю, что день на столе Ему прибор ставить.

Я плечами пожал и отвечаю:

— Ты меня не спрашивай, смотри сам лучше, что к Его воле быть может угодное, а впрочем, я и в приборе ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

— Сказано, — говорит, — *сей грешники приемлет и с мытарями ест*¹⁰.

— А и то, — отвечаю, — сказано: *Господи! Я не достоин, чтобы Ты взошёл в дом мой*¹¹.

— Мне и это нравится.

Тимофей говорит:

— Ты не знаешь.

— Хорошо, будь по-твоему.

* * *

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек — он, да жена, да трое ребятшек, — всегда у них шестое место в конце стола почётное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не всё открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию «для первого гостя», а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.



Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова и розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье — но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и ещё были его ожидания: на всякий праздник Тимофей всё ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь Своё обещание сдержит — придёт. Открыл мне Тимофей так, что «всякий день, говорит, я молю: “Ей, гряди, Господи!” — и ожидаю, но не слышу желанного ответа: “Ей, гряди скоро!”»¹².

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении. Однако Божие смотрение о том было иначе.

* * *

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

— Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен, и тут только спросил:

— Какое же ты имеешь в этом уверение?

— Ныне, — отвечает, — только я помолил: «Ей, гряди, Господи!» — как вся душа во мне всколыхнулася и в ней словно трубой восструбило: *Ей, гряди скоро!* Завтра Его Святое





Рождество — и не в сей ли день Он пожелует?
Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя
страхом трепещет.

Я говорю:

— Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чём этом
судить не умею и Господа видеть не ожидаю, по-
тому что я муж грешник, но ты нам свой чело-
век — мы к тебе придём. А ты если уповательно
ждёшь столь великого Гостя, зови не своих дру-
зей, а сделай Ему угодное товарищество.

— Понимаю, — отвечает, — и сейчас пошлю
услужающих у меня и сына моего обойти села
и звать всех ссыльных — кто в нужде и в бед-
ствии. Явит Господь дивную милость — пожа-
лует, так встретит всё по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

— Тимофей, — говорю, — кто может учре-
дить всё по заповеди? Одно не разумеешь, другое
забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако
если всё это столь сильно «трубит» в душе твоей,
то да будет так, как тебе открывается. Если Гос-
подь придёт, Он всё, чего не достанет, пополнит,
и если ты кого Ему надо забудешь, Он недоста-
ющего и сам приведёт.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей
семьёй, попозже, как ходят на званый стол. Так
он звал, чтобы *всех дожидаться*. Застали большие
хоромы его полны людей всякого нашенского,

сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест — и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своём хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем, чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют. А на дворе уже смеркалося, да и ждать больше было некого: все послы домой возвратились и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась метель и вьюга, как светопреставление.

Одного только Гостя нет и нет — Который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за стол садиться, потому что совсем темно понадвинуло, и все мы ждём в сумраке при одном малом свете от лампад перед иконами.

Тимофей ходил и сидел, и был, видно, в тяжкой тревоге. Всё упование его поколебалось: теперь уже видное дело, что не бывать «великому Гостю».

Прошла ещё минута, и Тимофей вздохнул, взглянул на меня с унылостью и говорит:

— Ну, брат милый, вижу я, что либо угодно Господу оставить меня в посмеянии, либо прав ты: не умел я собрать всех, кого надо, чтоб Его встретить. Будь о всём воля Божия: помолимся и сядем за стол.



Я отвечаю:

— Читай молитву.

Он встал перед иконою и вслух зачитал: «Отче наш, Иже еси на небеси», а потом: «Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите¹³, Христос на земли...» И только он это слово вымолвил, как внезапно что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже всё зашаталось, а потом сразу же прошумел шум по широким сеням, и вдруг двери в горницу сами вскрылися настежь.

* * *

Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, — неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперёд в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнём — такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвёт, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.







Тимофей, как увидел это, вскричал:

— Господи! Вижду и приму его во имя Твое, а Ты Сам не входи ко мне: я человек злой и грешный. — Да с этим и поклонился лицом до земли.

А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей христианской покорностью тронуло; и воскликнул всем вслух:

— Вонмем¹⁴: Христос среди нас!

А все отвечали:

— Аминь, — то есть истинно.

* * *

Тут внесли огонь; я и Тимофей восклонились от полу, а белой руки уже не видать — только один старик остался. Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был *враг* Тимофея — дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что всё у него прошло прахом: и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и попросить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту метель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

— Но вдруг, — говорит, — Кто-то *Неведомый* осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на Моём месте и поешь из Моей чаши», взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

— Я, дядя, твоего провожатого ведаю: это Господь, который сказал: *Аще алчет враг твой — ухлеби его, аще жаждет — напой его*¹⁵. Сядь у меня на первом месте — ешь и пей во славу Его, и будь в дому моём во всей воле до конца жизни.

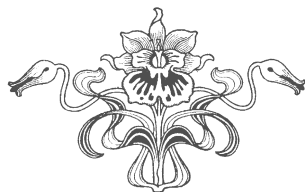
С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своём.

* * *

Так научен был мужик устроить в сердце своём ясли для рождённого на земле Христа. И всякое сердце может быть такими яслями, если оно исполнило заповедь:

*Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас*¹⁶. Христос придёт в это сердце, как в убранный горницу, и сотворит Себе там обитель.

Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!



СОДЕРЖАНИЕ



Предисловие	5
<i>Николай Марков.</i> Предание о Благовещении	7
<i>Евгений Поселянин.</i> Богоматерь	14
<i>Иван Шмелёв.</i> Рассказы о празднике Благовещения в России	17
<i>Анна Зонтаг.</i> Рождество Христово	26
<i>Сельма Лагерлёф.</i> Святая ночь	31
<i>Саша Чёрный.</i> Рождественское	40
Видение императора. Предание	42
<i>Сергей Копыткин.</i> В день Рождества.....	53
<i>Елена Ивановская.</i> Предание о первой рождественской ёлке	54
<i>Фёдор Достоевский.</i> Божий дар	58
<i>Михаил Роос.</i> Невидимый гость	62
<i>Иван Шмелёв.</i> «Рождество Твоё, Христе Боже наш...»	74
<i>Анна Зонтаг.</i> Поклонение волхвов	82
<i>Константин Льдов.</i> Волхвы.....	86

Содержание

<i>Анна Зонтаг. Бегство в Египет</i>	88
<i>Сельма Лагерлёф. Вифлеемский Младенец</i>	91
Предание о пауках	119
<i>Николай Державин. Чудесная нива</i>	125
<i>Сельма Лагерлёф. Пальма</i>	131
<i>Алексей Плещеев. Легенда</i>	138
<i>Сельма Лагерлёф. В храме</i>	139
<i>Николай Лесков. Христос в гостях у мужика</i>	153
<i>Иван Шмелёв. Пасхальные рассказы</i>	170
<i>В. Никифоров-Волгин. Великий пост</i>	177
Комментарии	220

